

официальное название которой до распада СССР было, в Беларуси осталось и теперь – **Великая Октябрьская социалистическая революция.**

Источники и литература:

1. Вернер Э. Кризис русского самодержавия. Николай II и революция 1905 г. – 1990. – 412 с.
2. Emmons N/ed Emancipation of the Russian Serfs/ New York, 1970.
3. Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Изд-во «Проблемы Восточной Европы». – 478 с.
4. Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. М.:1975; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: 1977; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979.
5. История Беларуси: учеб. Пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования. В 2 ч. Ч. 2 / Я.И.Трещенок; А.А. Воробьев, Н.М. Пурышева, М.И. Матюшевская; под ред. Я.И. Трещенка. – Молилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. - 310 с.: ил., карт.
6. Эдвард Карр История Советской России Большевицкая революция 1917-1923. М.: Прогресс, 1990.

ПРИЧИНЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ОЦЕНКАХ А.И. ДЕНИКИНА

А.М. Ипатов

Воронеж, ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Произошедшие столетие назад революционные события в России до сих пор не получили однозначной оценки в историографии. В этом нет ничего удивительного, поскольку отношение современников и исследователей определялось различными обстоятельствами. Для тех, кого революция привела к власти, либо повысила их социальный статус и укрепила материальное положение, события февраля и октября 1917 г. будут восприниматься скорее как положительное явление, положившее конец многовековой тирании Рюриковичей и Романовых. Напротив, многие царские сановники, ряд руководителей армии, убежденные монархисты восприняли отречение Николая II не только как личную трагедию, но и как предвестник краха российского государства. Приход к власти большевиков тем более рассматривался ими как узурпация власти «чернью», не обладавшей ни правами, ни способностями для управления государством.

Однако немало было тех, кто с одной стороны сочувствовал лозунгам Февральской революции, считая, что самодержавие как система власти исторически изжила себя, но с другой – не поддерживали приход к власти Ленина и его сподвижников в октябре 1917 г. Более того, ряд недовольных новым большевистским руководством политиков, военных, представителей науки и культуры начали с ним борьбу. Кто-то выехал из страны, выражая свое несогласие с принципами построения государства на советской основе, другие взялись за оружие. Одним из ярчайших представителей белого движения был А. И. Деникин. Впоследствии он обобщил опыт личного восприятия событий 1917–1922 гг. в обширном труде, название которого – «Очерки русской смуты» – демонстрирует отношение автора к описываемым событиям. Первый том выйдет в Париже в 1921 г., пятый, заключи-

тельный опубликуют в Берлине в 1926 г. Помимо этой работы, отдельных аспектов исследуемой темы Деникин коснется в более поздних произведениях.

Антон Иванович анализирует различные причины и поводы, вызвавшие сначала Февральскую, а потом и Октябрьскую революции. По его мнению, главными устоями самодержавия в России были такие понятия как вера, царь и отечество. Их незыблемость была опровергнута в кратчайшие сроки, приведя к тому, что народная стихия смела «верховную власть и правящие классы – без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию – одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец – сильную, с огромным историческим прошлым, десятиmillionную армию, развалившуюся в течение 3-4 месяцев» [1, с. 7].

Армии Деникин уделяет значительную роль в происходивших в 1917 г. процессах. Не замалчивая о назревших в ней проблемах, которые выразились, в частности, в поражении в русско-японской войне, он, тем не менее, доказывал, что начавшиеся после этого военные реформы существенно укрепили боеспособность армии. Первая мировая война показала, однако, ошибочность некоторых преобразований. Автор «Очерков» указывает на рост непонимания между офицерским и рядовым составом армии, обусловленным разным социальным происхождением и мировоззрением, на безграмотность назначения на высшие командные должности, на традиционные проблемы с поставками продовольствия и так далее. Однако важнейшую роль в «разложении» русской армии к 1917 г. он уделяет антивоенной пропаганде революционных партий страны. В историографии не сложилось единой точки зрения о причинах данного процесса. Условно можно выделить две группы исследователей. Первые доказывают, что пропаганда, безусловно, оказывала влияние на состояние умов в действующей армии, но куда большее значение имели те негативные тенденции, которые вытекали из политического строя государства и особенностей управления войсками. Так, исследователь И.Н. Гребенкин констатирует: «Деградация армейского организма в 1917 г. не приняла бы обвального характера, если бы не имела в своей основе наряду с общественно-политической подоплекой серьезные прецеденты – постепенное падение дисциплины и боеспособности частей и целых соединений, которые наблюдались в течение всех военных лет в нарастающих масштабах» [2, с. 147].

Другая группа исследователей обращает внимание, прежде всего, на то обстоятельство, что успешная пропаганда революционеров имела благоприятную среду, так как еще в 1905 г. Военному ведомству был издан приказ № 804, согласно которому армия должна носить внепартийный характер и не выражать симпатий и поддержки даже лояльным императору политическим движениям. Во многом вторя Деникину, белорусский историк В.Н. Суряев пишет: «Постепенно сложился стереотип поведения офицеров, определявший их отстраненность от любых вопросов, связанных с политикой. В результате, как отмечали современники, Русская армия была совершенно не знакома с политическими вопросами и оказалась абсолютно беззащитной в политической борьбе» [3].

Отдельно Антон Иванович останавливается на роли Николая II в возникновении революционной ситуации. Выступая за ограничение самодержавия, Деникин писал о том, что большинство командного состава армии были сторонниками монархической власти. Их дальнейшее «предательство» связано, скорее, с конъюнктурными соображениями, нежели с действительной сменой мировоззрения. Самое удивительное заключается в том, что Николай II предстает в «Очерках»

скорее как жертва обстоятельств, как хороший человек, не сумевший вынести бремени власти. По мнению Деникина, даже неудача в русско-японской войне и поражения на полях Первой мировой не привели к падению доверия к царю. Напротив, офицерский корпус стремился оказать ему поддержку, продемонстрировать преданность, но политическая обстановка, сложившаяся вокруг Николая II, не способствовала этому. Антон Иванович сетовал на значительную роль в принятии важнейших государственных решений Григория Распутина. Его личность, по мнению генерала, символизировала хаос, сложившийся вокруг трона. Давая уничижительную оценку «старцу», Деникин с нескрываемым презрением писал о нежелании «копаться в той грязи, которая покрыла и министерские палаты и интимные царские покои, куда имел доступ грязный, циничный «возжигатель лампад», который «доспевал» министров, правителей и владык» [1, с. 17].

Кроме Распутина негативную роль на принятие политических решений оказывала никто иная как императрица Александра Федоровна. Прежде всего, автор «Очерков» пеняет на то, что она была немкой по рождению. При этом датское происхождение вдовствующей императрицы Марии Федоровны не вызывало у боевого генерала никаких подозрений. Что же конкретно вменялось в вину супруге Николая II? Покровительство Распутину, дискредитация Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (младшего) и начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, вмешательство в управление государством. Трудно сейчас заявлять о том, обоснованы ли данные обвинения Деникина в адрес Александры Федоровны. Думается, пока не исследованы все возможные источники, которые должны пролить свет на деятельность императрицы в годы Первой мировой войны, в историографии будут высказываться противоречивые оценки данной проблемы.

К слову Антон Иванович неоднократно на страницах «Очерков» писал о «немецком засилье» в верхних эшелонах власти. Касаясь этой проблемы, профессор НИУ ВШЭ А.С. Туманова отмечает, что с началом войны в стране началась борьба с немецким засильем, которая выражалась в мощной антигерманской кампании в прессе, переселении немецких подданных империи, ликвидации их предприятий и изъятии у них земель. Активное участие в этой борьбе приняли интеллектуалы, которые воспринимали войну как «осуществление исторической миссии славянства в победе над германским миром, закосневшем в воинствующем империализме, порожденном прусским вотчинным феодализмом» [4]. Представляется любопытным: была ли неприязнь Деникина к лицам германского происхождения перманентной, либо она относилась к отдельным лицам, например к А.М. Стесселю и А.Е. Эверту, с именами которых связана сдача Порт-Артура в годы русско-японской войны и отказ от наступления Западного фронта в 1916 году соответственно. Вопрос остается открытым.

Антон Иванович акцентировал разницу в отношении к царю со стороны офицеров и представителей рядового состава армии. Если первые в основной массе были монархистами, у вторых, в силу различных обстоятельств, в первую очередь низкой грамотности, подобных твердых убеждений не было. По мнению автора «Очерков», представления солдат, по преимуществу крестьян по социальному происхождению, постоянно колебались от обожания, связанного с непосредственным общением с царем, до полнейшего безразличия. В силу того, что перед войной в войсках с рядовым составом не проводилась политическая работа, многие солдаты недоумевали: почему они должны подвергать свою жизнь опасности вдали от родных мест? То есть, по сути, многие в русской армии в годы Первой мировой войны вообще не понимали ее целей, поэтому неудивительны случаи

братания с противником и дезертирства, о которых с горечью писал Деникин. Командующие армией стали заложниками законодательства, запрещавшего проводить политическую работу в войсках. В подтверждение этого тезиса можно сослаться на самого генерала, который констатировал, что офицеры мало интересовались целями начавшейся войны.

Значительную роль в развязывании революционных событий сыграло падение уровня религиозности в России. Антон Иванович дает этому процессу яркую оценку: «Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни» [1, с. 8]. В годы войны религиозное чувство военнослужащих постоянно разрывалось между огрубением и ожесточением, вызванными тяготами войны, и углублением веры, вызванным ощущением смертельной опасности. Когда Николай II принял на себя командование армией, его, по сути, перестали рассматривать как помазанника божьего, так как поражения на фронте отныне связывались с его именем, а ранее ответственность возлагалась на армейское командование.

Наконец, еще одной причиной Февральской революции 1917 г. Деникин называет недостаток патриотизма. Казалось бы, на фоне духовного подъема, связанного с началом Первой мировой войны, говорить о низком уровне патриотизма не приходилось. Но в силу малограмотности населения, часто у отдельных жителей страны не было представления о ее реальных границах и отсутствовало понимание того, что военные действия из соседнего региона быстро могут перейти на территорию его родной губернии. Думается, можно провести некую параллель между отношением жителей России к Первой мировой войне и настроениями в период монгольского нашествия XIII столетия. Особых масштабов достигли сепаратистские настроения, когда в национальных окраинах все сильнее раздавались призывы выйти из состава Российской империи. Автор «Очерков» констатировал, что народ не понял необходимости национальной самозащиты, в то же время с воодушевлением воспринимал призывы революционеров к «самостийности».

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее. Исследуя точку зрения Деникина о причинах Февральской революции 1917 г., стоит учесть то обстоятельство, что «Очерки русской смуты» писались, по сути, по следам революционных событий. Неудивительно поэтому преобладание скорее эмоциональной, а не аналитической оценки событий. Автор берет за основу лозунг «За веру, царя и отечество», последовательно критикует забвение этих краеугольных основ российской государственности. Еще в письме своей супруге от 17 февраля 1917 г. он предостерегает: «Теперь одного только нужно бояться, чтобы под флагом освободительного движения грязная накипь его не помешала наступающему успокоению страны... Какое бы счастье было бы для России, если бы «круг времен» замкнулся происшедшей в столице трагедией и к новому строю страна перешла бы без дальнейших потрясений» [5]. Увы, ожиданиям Антона Ивановича не удалось сбыться, и сам он вскоре встанет участником трагической гражданской войны.

Источники и литература

1. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: в 5 т. / А. И. Деникин. – Париж: Издательство Поволоцкого, 1921. – Т. 1. – 184 с.
2. Гребенкин, И. Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса / И.Н. Гребенкин // Новейшая история России. – 2014. – № 3. – С. 145-161.

3. Суряев, В. Н. Отношение офицерства русской императорской армии к Февральской революции 1917 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.milportal.ru/>. – Дата доступа: 02.01.2017.
4. Туманова, А. С. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/>. – Дата доступа: 03.01.2017.
5. Лехович, Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/>. – Дата доступа: 05.01.2017.

УЧАСТИЕ ДЕПУТАТОВ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ОБСУЖДЕНИИ ПРОБЛЕМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.С. Хрипунов

Иваново, Ивановский государственный университет

Реформирование системы народного образования стало одним из ключевых направлений в совместной деятельности правительства, органов местного самоуправления и народного представительства России в предреволюционный период. Важность вопроса диктовалась сразу несколькими факторами: 1) необходимостью в краткие сроки сократить разрыв между образовательным уровнем России ведущих европейских государств; 2) тесной связью образования с условиями регионов, особенно национальных окраин, где вопросы обучения были включены в контекст сложнейшего национального вопроса и проблем реорганизации системы местного самоуправления.

Целью статьи является анализ деятельности белорусских депутатов в период работы III Государственной Думы в контексте народного просвещения с учетом их фракционной и партийной принадлежности. Именно в эти годы в стенах российского парламента обсуждались серьезнейшие проблемы образования, что позволило закрепить за ней название «Думы народного просвещения» [1, с. 407]. Депутаты от белорусских губерний принимали здесь активное участие. В эти годы были заложены основы реформ российской школы, в том числе и на территории Беларуси, мирное течение которых было прервано в 1914, а затем в 1917 гг.

В начале следует определить, какие губернии мы можем отнести к белорусским. К ним мы отнесем те, где население преимущественно владело белорусским языком для которого он являлся родным. Согласно заключению Московской диалектологической комиссии, работавшей в 1914 г., губерниями с преобладанием белорусского наречия являлись – Витебская, Виленская, Могилевская, Минская, значительная часть Гродненской, в меньшей степени – Ковенская и некоторые другие незначительные анклав [2, с. 47-48]. Все эти губернии входили в т.н. Северо-западный край.

Край в целом был представлен в Думе 45 депутатами, что составляло около 10% от общего числа ее членов. Состав депутатского корпуса был крайне пестрым во всех отношениях. Так, по национальному составу здесь были: 1 еврей, 4 литовца, 6 поляков, 34 русских. Можно предположить, что большинство депутатов считали себя ирусскими, и белорусами одновременно, считая последних (и себя) согласно тогдашним взглядам, органической частью «триединого русского народа».

Интересен партийный и фракционный состав депутатов. Почти две трети депутатов, а именно 29 человек, представляли фракции консервативного толка – правую, умеренно-правую, русскую национальную, являлись членами «Союза рус-